

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ГОРОДКА ЭМДЕР

К 20-летию археологического открытия памятника

А. П. Зыков,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

В 2013 г. исполнится 20 лет с момента открытия археологами Института истории и археологии УрО РАН городка Эмдер, являвшегося центром одноименного средневекового «княжества» обских угров. Определения «княжество», «князья», «княжата» применительно к политическим объединениям таежных угров и возглавлявшей их военной знати вошли в русскую речь с XII в. Русские документы содержат информацию о таких предгосударственных образованиях XVI–XVII вв., как Кода, Обдор, Ляпин, Пелым, Конда, Таборы, Пегая Орда и др. В середине 1930-х гг. данные письменных источников были обобщены и опубликованы в монографии С. В. Бахрушина¹. Опираясь на характерный для советской исторической науки формационный подход, он впервые обозначил проблему зарождения феодальных отношений в таежных обществах с присваивающими формами хозяйства. Сейчас, когда активно заимствуется понятийный аппарат из англоязычной литературы, обско-угорские «князья» именуется нередко вождями (chief), а «княжества» – вождествами (chiefdom).

С. Ф. Кокшаров,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

После похода Ермака и строительства первых русских форпостов – Лозьвинского и Обского городков, Пелыма, Березова, Сургута – Московское государство приступило к «замирению» Сибири. С конца XVI в. военно-политические объединения аборигенов стали постепенно исчезать с карты Приобья, а «князья» были частично уничтожены, частично растворились среди рядовых общинников. До 1643 г. сохраняло относительную независимость лишь «княжество» Кода, правители которого, приняв христианство, выступили союзниками русской администрации.

О тех героических временах, когда таежные правители вели непрерывающиеся войны между собой и с внешними врагами, сейчас напоминают многочисленные городища. Это остатки деревоземляных крепостей, разбросанных на обширной Западно-Сибирской равнине от восточных склонов Урала до Среднего Приобья. Городок Эмдер среди них не самый крупный по размерам. Однако так сложилось, что именно этот археологический памятник стал одним из самых узнаваемых на севере региона и изменил представления о дорусском периоде средневековой истории таежного Обь-Иртышья.

Эмдер расположен на реке Ендырь,

небольшом левом притоке Нижней Оби в Октябрьском районе Ханты-Мансийского автономного округа (рис. 1). Длительное время таежная река была доступна только для коренных жителей – ханты и манси, занимавшихся здесь традиционными промыслами: рыболовством, охотой, сбором ягод и орехов. В советский период территория была признана оптимальной для размещения спецпереселенцев. Люди, отправляемые по этапам из европейской части России и других союзных республик, выгружались среди лесов и болот и должны были, опираясь только на собственные силы, возвести хоть какое-то жилье, чтобы защититься от жуткого летнего гнуса и спастись от лютой зимней стужи. Тогда на реке Ендырь и ее притоках появились поселок Пальяново и пункты с обреченно-мрачными названиями – Барак Холодный 1-й и Барак Холодный 2-й.

Новый этап в истории края связан со строительством железной дороги «Ивдель – Приобье» и освоением нефтяных и газовых месторождений на Тюменском Севере. Прокладка транспортных магистралей и нехватка специалистов привлекли в Приобье новое население и привели к возникновению городов и поселков. Возможность изучения памятников про-

¹ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.

шлого появилась и у специалистов-археологов. Однако научные десанты высаживались преимущественно на правом берегу Оби в окрестностях поселков Шеркалы, Перегребное, Низямы и Октябрьское, где были известны скопления городищ.

Таким образом, археологическое изучение реки Ендырь было запоздалым. Первая поездка на озеро Ендырский Сор, где русло реки теряется в широкой пойме Оби, состоялась лишь в 1992 г. и позволила говорить о перспективности дальнейших исследований. На заселенность берегов Сора в древности указывали обломки керамической посуды бронзового и железного веков. Правда, здесь не удалось обнаружить следов укрепленных поселений (городищ).

Начатые поиски внушали надежду по двум причинам. Во-первых, сведения о существовании городка Эмдер сохранились в фольклоре южных ханты. Речь идет о «Былине про богатырей города Эмдера», записанной в конце XIX в. С. К. Паткановым². Из текста следовало, что крепость должна была находиться вверх по течению реки. Во-вторых, несомненной удачей оказалось знакомство с нашим земляком инженером-геофизиком В. В. Долгановым, работавшим в среднем течении реки Ендырь и сообщившим об увиденных им городищах. Забегая вперед, отметим, что в процессе поисковых работ 1993–2012 гг. здесь было обнаружено 13 городищ эпохи железа – Средневековья. Самое внушительное из них по размерам и остаткам фортификаций в виде рвов и валов (рис. 2), содержавшее культурные слои XI–XVI вв., действительно располагалось на очень высоком (35 м) берегу. Последующие раскопки подтвердили, что данный объект можно обоснованно рассматривать как остатки былинного городка.

Работы на Эмдере были изначально интригующе интересными. В отличие, скажем, от южноуральского Аркаима нам приходилось иметь дело со средневековой цитаделью, историческое название которой сохранилось в фольклоре местного населения. Кроме того, текст «Былины...» содержал информацию о жителях городка и их военных подвигах. В

Эмдере правили пять богатырей-братьев с именами, необычными для нашего восприятия. С хантыйского языка они переводятся следующим образом: *Богатырь, раздробивший долго сушеное конское бедро*; *Богатырь, носящий кольчугу с сотней торчащих рожков*; *Богатырь, нося-*

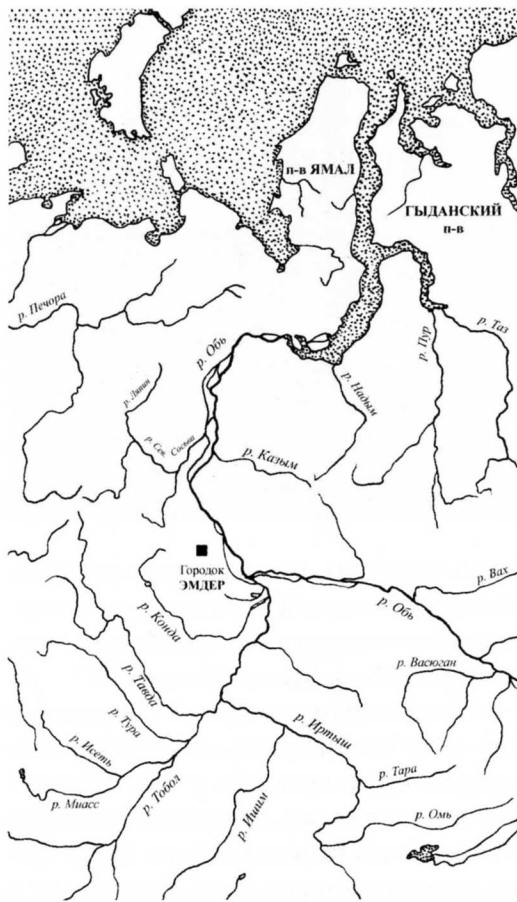

Рис. 1. Расположение городка Эмдер на карте Северо-Западной Сибири

ций звенящую кольчугу из блестящих колец; Богатырь с остроконечным мечом и последний – Косатый Яг, избранный из числа 80 богатырей. В ходе предстоящих исследований следовало уточнить и дополнить информацию эпоса и, самое главное, подтвердить его историческую достоверность³.

Археологические раскопки, начатые на городке Эмдер в 1994 г., велись с перерывами до 2001 г. Они перемежались с исследованиями двух могильников, на которых обитатели городка хоронили своих соплеменников. Значительная часть находок опубликована в нашей монографии⁴. По объективным причинам в нее не включены материалы 2001–2012 гг., существенно дополнившие наши представления о планировке цитадели и куль-

² См.: Patkanov S. Die Irtysch-Ostyaken und ihre Völkspoesie. T. 2. St.-Pbg., 1900. S. 10–17, 98–101.

³ Сомнения на этот счет высказывает Н. В. Лукина. (см.: Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 49).

⁴ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

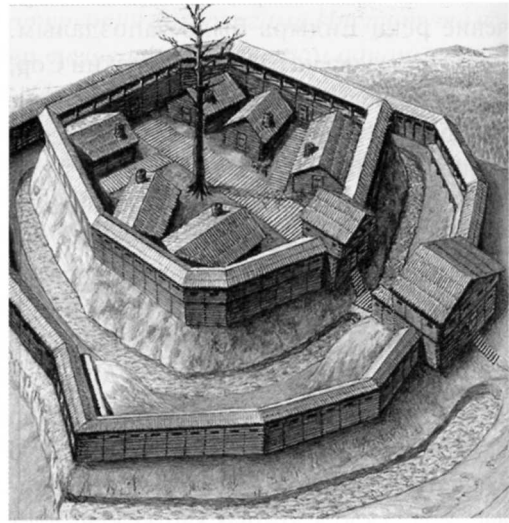
туре средневекового населения Нижнего Приобья. Открытие городка Эмдер освещалось в журналах⁵. Полученные сведения стали предметом дискуссий на международном семинаре «Древний Эмдер», проведенном в 2001 г. в полевом лагере Югорской археологической экспедиции

Рис. 2. Внешняя оборонительная стена городка Эмдер

Рис. 3. Графическая реконструкция крепости. Обложка книги «Древний Эмдер»

Исходя из небольших размеров жилой площадки (диаметр около 30 м) и сведений героического эпоса, можно утверждать, что постоянных жителей в Эмдере было немного. Это были члены одной большой семьи (допустим, пятеро перечисленных братьев с семьями и их роди-

ИИА УрО РАН. Наконец, эта тема была одной из самых обсуждаемых на I Северном археологическом конгрессе, проходившем в 2002 г. в Ханты-Мансийске⁶.

В отличие от городищ более раннего времени Эмдер представлял собой долговременную крепость с деревянными стенами и домами, просуществовавшую на одном месте около 500 лет. За это время мыс, на котором первоначально возник городок в конце XI – начале XII в., вырос и превратился в холм, а мощность культурного слоя, накопленного за полтысячелетия, достигла местами 2–4 м. При раскопках выяснилось, что дважды – в конце XII–XIII вв. и в первой половине XV в. – городок погибал в пожарах. Несмотря на это, люди не покидали обжитое место и восстанавливали дома и укрепления. На всем протяжении существования городка его окружали две защитные стены – вынесенная вперед внешняя и верхняя внутренняя, окружавшая жилую площадку (рис. 3).

Самыми информативными для воссоздания облика городка оказались культурные отложения XV–XVI вв. Обнаруженные в них остатки жилищ и стен положены в основу реконструкции крепости.

Городок и его обитателей охранял небольшой гарнизон, а домашние дела и хозяйственные работы выполнялись рабами, которым хозяева полностью доверяли. Широкое использование труда зависимого населения местными «князьками» фиксируют русские письменные источники, на которые указывает С. В. Бахрушин⁷, а также героический эпос южных ханты. Привлечение дополнительной рабочей силы из числа зависимого населения, жившего вокруг крепости, позволяло возводить и поддерживать в порядке фортификации, проводить перестройки и перепланировки.

Сами жилища представляли собой почти квадратные наземные постройки срубного типа со стороной примерно 5–6 м, без специальных фундаментов, которые отапливали «по белому» глиняными печами (чувалами). Они имели деревянные полы, что хорошо согласуется со сведениями фольклора. Когда остяцкий богатырь ступал по половицам, они гнулись: «не укрепи их хороший плотник во время постройки при помощи железных и жестяных скобок, не выдержал бы он»⁸. Срубы конопатились мхом, который специально заготавливался и хранился в клетях оборонительной стены.

⁵ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Северная Троя (от легенды до точки на карте) // Родина. 2000. № 5. С. 30–35; Финнова В. И. Эмдер: в зоне открытия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 21. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11. С. 79–85.

⁶ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Городок Эмдер и некоторые проблемы позднесредневековой археологии Северо-Западной Сибири // Северный археологический конгресс: тез. докл., 9–14 сент. 2002 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2002. С. 316–317.

⁷ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества... С. 53–54.

⁸ Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 78.

Представление о внешнем облике домов неожиданно меняется, если принять во внимание находку в культурном слое пластинки слюды. Несколько таких пластинок, закрепленных в специальной рамке, могли закрыть оконный проем. Хорошо известно, что в Средние века на

животных), крючья для подвешивания котлов (рис. 4, 3–4) и кованая железная ложка с оригинальной витой ручкой (рис. 4, 2).

Жители городка и его строители придерживались языческих представлений. Находясь в постоянном ожидании пере-

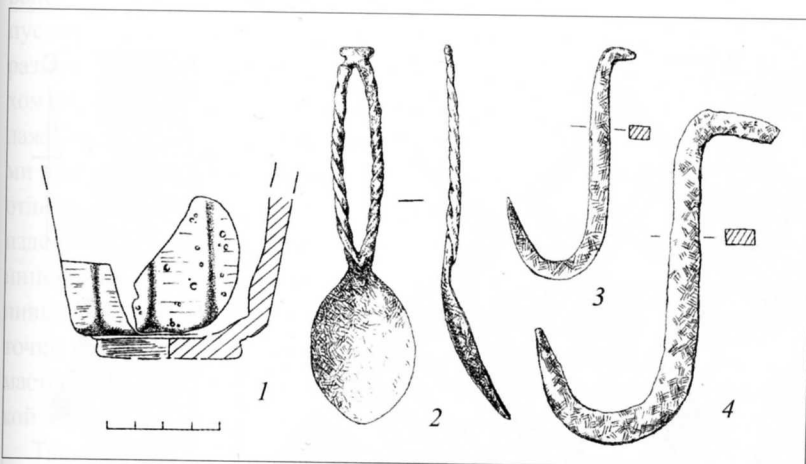

Рис. 4. Вещи из культурного слоя городка: 1 – гончарный кубок; 2 – ложка; 3–4 – очажные крючья

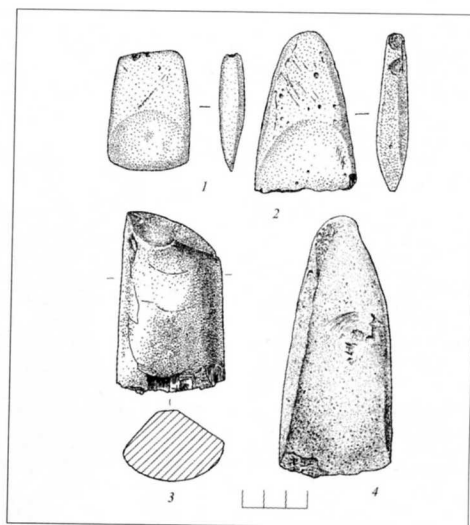

Рис. 5. «Громовые стрелы» Эмдера

русских землях слюда заменяла редкое плоское стекло.

Для своего времени городок был неплохо благоустроен. Между домами были проложены деревянные тротуары, а по центру городка шла бревенчатая мостовая. Для отвода воды с жилой площадки была выкопана дренажная канава глубиной около 1 м, укрепленная изнутри столбами и обшитая плахами. Сверху ее перекрывал деревянный настил.

Воины, несшие караульную службу, и обслуга, помогавшая по хозяйству, размещались скорее всего внутри обеих оборонительных стен. Они представляли собой чередующиеся клетки-срубы, связанные между собой. Выравнивание стен на неровной поверхности холма достигалось вертикально вкопанными столбами-быками. Одна часть срубных клеток заполнялась грунтом для придания крепостной стене устойчивости, другие использовались под хозяйственные нужды, а третьи были вполне пригодны для проживания. В них расчищены дощатые полы и остатки глинобитных печей. На жилой характер этих клеток указывают найденные вещи: обрывки кольчужного плетения, наконечники стрел, значительные скопления кухонных остатков (костей рыб и

мен то к лучшему, то к худшему, они принимали «на всякий случай» превентивные меры в виде кровавых или бескровных жертвоприношений, сохранившихся у народов Севера вплоть до настоящего времени. Первые проводились на Эмдере очень часто при закладке домов, крепостных стен и возведении печей. На это указывает множество отрубленных голов и даже целые костяки собак. В некоторых домах XV–XVI вв. бережно хранились «громовые стрелы», которые представляют собой каменные шлифованные топоры каменного века (рис. 5). Люди, почитавшие небожителей-громовников, защищали подобным образом себя и свои дома от посылаемых ими молний.

Археологический материал свидетельствует о том, что обитатели крепости знали ткачество, скорняжное и плотницкое дело. Особую роль играла обработка черного и цветных металлов. В этой связи особый интерес представляют остатки производственных помещений – кузниц. Они обнаружены в разновременных слоях Средневековья и указывают на преемственность кузнечного ремесла у обитателей крепости. Впрочем, этот факт не удивляет. Кузнечество было почетным занятием таежных «князей», которые, со-

⁹ См.: Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 104.

гласно сказаниям, ковали для себя накопечники стрел⁹. Интерес к подобным мастерским продиктован тем, что они крайне слабо изучены на территории таежного Обь-Иртышья.

Кузница XV–XVI вв. сохранилась относительно неплохо. Она размещалась в

Основание печи помещено на берестяной выстилке, изолировавшей конструкцию от влажного грунта.

Почти в центре помещения отмечено пятно ярко-оранжевого прокаленного песка, покоившееся на отсыпанной песчаной «подушке». В слое прокала лежали круп-

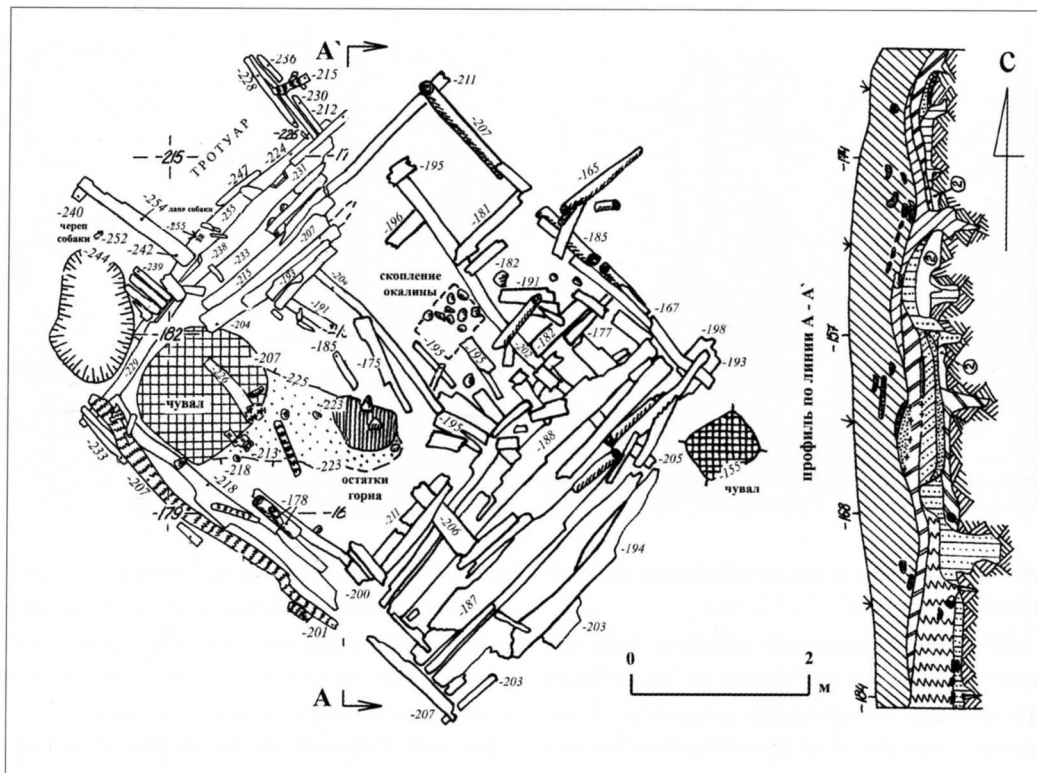

Рис. 6. Остатки кузницы XV–XVI вв.

наземном срубе размером 5,1 x 4,7 м, скатанном из бревен диаметром 0,15–0,2 м (рис. 6). Особенно в хорошем состоянии оказались нижние венцы, в частности, восточный угол, а также одно из бревен юго-западной стены, обуглившееся после пожара. Пол в помещении был дощатым, сложенным из колотых плах, которые лежали на трех поперечных лагах. Расположение конструкций, которые могут быть связаны с перекрытием, указывает на наличие двускатной крыши, покоившейся на стенах сруба.

Внутри кузницы находились глиняная печь-чувал, кузнечный горн (?), установлено также место расположения наковальни.

Чувал занимал западный угол сруба. Его остатки представляли скопление глиняной обмазки размером 1,45 x 1,3 м. Среди глины сохранились сгоревшие жерди, служившие каркасом сооружения, и небольшое количество железной окалины.

ные камни и куски металлургического шлака. Данный объект указывает, по-видимому, на место расположения кузнечного горна.

Неподалеку находилась наковальня. Она локализована по большому скоплению железной окалины, под которым лежали крупные камни. Вероятно, камни удерживали деревянный чурбак с закрепленной на нем железной наковальней. В кузнице и рядом с нею обнаружены куски железного шлака, бракованные поковки, железный молоток, абразивы из камня и сама продукция, представленная кресалами для высекания огня, ножами, наконечниками стрел, иглами и прочими предметами (рис. 7).

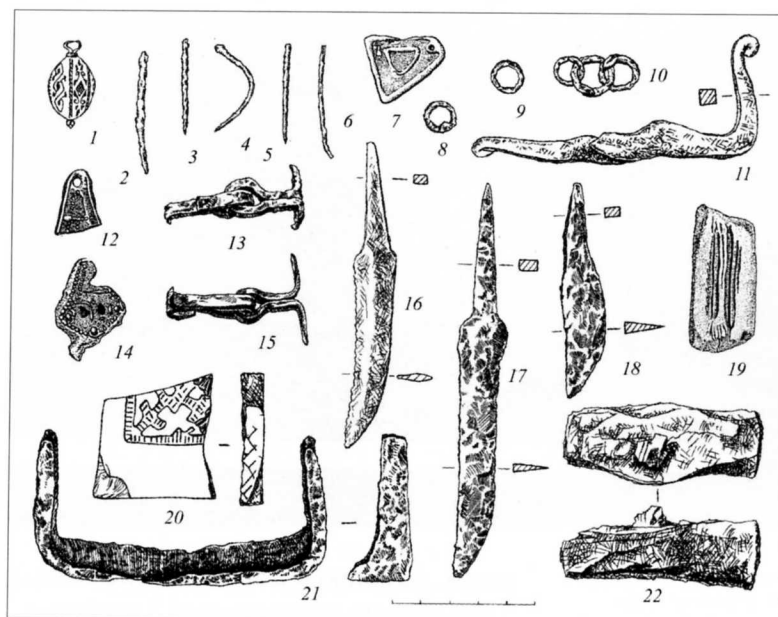
Микроструктурное металлографическое исследование 23 железных предметов позволило установить, что большинство поволоков сделано с применением стали. Таежные кузнецы нередко прибегали к сварке, соединяя несколько металличе-

ких полос для получения заготовок нужного размера. Редкие ножи имели вварное стальное лезвие в железную основу, но эта продукция, по мнению специалистов, могла вывозиться из Восточной Европы. Из всех видов термической обработки преобладала закалка в холодной воде. Мягкая закалка или закалка с отпуском зафиксирована только в двух образцах. Местные мастера могли с успехом отковать ножи, наконечники стрел и даже кресала с витиеватыми навершиями для высекания огня, которые трудно отличить от аналогичных новгородских изделий (рис. 7, 11). Кроме того, с кузницей связан обломок матрицы для отливки украшения в виде ажурной решетки (рис. 7, 20). Из этого следует, что мастер одинаково хорошо владел обработкой железа, меди и сплавов на ее основе.

Таежный кузнец имел особый статус среди соплеменников-язычников и поместил под половицами кузницы особую жертву в виде отрубленной лапы волка (рис. 8). Следы другого жертвоприношения обнаружены под северным углом мастерской, здесь лежала нижняя челюсть медведя.

На первый взгляд может показаться, что обитатели городка Эмдер, затерянно в таежной глуши, находились в изоляции от остального средневекового мира Обь-Иртышья. Однако из текста «Былины...» следует, что с началом зимы, когда замерзали непроходимые болота, богатыри-братья продвигались за сотни километров на юг, на реку Конду, где воевали с местными «князьями», сватая невесту для младшего брата. Впрочем, боевые столкновения, в которые перерастали походы за невестами, были суровой необходимостью. Сохранение экзогамных браков с представителями иных правящих кланов гарантировало рождение здорового поколения. Таежные «князья» содержали гаремы и самой красивой из жен считали наиболее молодую. Стандарты красоты, предъявляемые к средневековой остяцкой «княжне», передает следующий лаконичный эпитет из остяцкого эпоса: «Златоглазая, бровастая дочь мужа полуленной страны»¹⁰. С другой стороны, контакты с новыми родственниками и поддержка этих отношений снимали проблему доступа к престижным товарам.

Туземная элита – «князья» и их ближайшее окружение – нуждалась в пушнине, сукне, шелке, металлах и оружии, для хранения которых имелись особые помещения, именуемые в остяцком фольклоре как «место, где находился металл и товары»¹¹.

При раскопках Эмдера и связанных с ним могильников удалось обнаружить предметы, относящиеся к так называемому дальнему импорту. Они позволяют наметить лишь малую часть контактов, поддерживаемых жителями сибирской тайги со своими соседями.

Одна из, казалось бы, невзрачных находок – многогранный сосуд (кубок), изготовленный на гончарном круге и покрытый глазурью (см. рис. 4, 1). Поиск аналогий позволил установить, что подобные емкости, именуемые в археологической литературе «альбарелло», бытовали в европейских и азиатских странах в XII–XVI вв.

Средневековые воины тщательно готовились к возможным сражениям и стремились получить не только качественное оружие, но и защитное снаряжение. Не случайно один из эмдерских братьев носил имя *Богатырь, носящий звенящую кольчугу из блестящих колец*. Отдельные колечки и обрывки кольчужного плетения, найденные в культурном слое городка, выполнены из железной и медной проволоки. Они указывают на широкое использование этого престижного доспеха

Рис. 7. Вещи, связанные с кузницей:

- 1 – пуговица;
- 2–6 – швейные иглы;
- 7, 12, 14 – бронзовые накладки и подвески;
- 8–10 – кольчужные кольца;
- 11 – кресало (кузнечный брак);
- 13, 15 – шарнирные петли; 16–18 – ножи;
- 19 – оселок для заточки игл;
- 20 – обломок литейной формы;
- 21 – скобель-рубанок;
- 22 – молоток

¹⁰ Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 85.

¹¹ Там же. С. 73.

и повышенные требования, предъявляемые к его внешнему облику со стороны таежной знати. Примечательно упоминание С. У. Ремезова о двух панцирях Ивана IV, один из которых, со вставками из медных колец, был якобы пожалован Ермаку Тимофеевичу: «бит в 5 колец муд-

же овцы и свиньи. В отношении первого животного ясность вносит эпос. В нем содержится указание на то, что богатыри реки Конды преследуют верхом на лошадях эмдерцев, передвигавшихся на оленьих нартах. Таким образом, источник поступления животных или их мяса оп-

Рис. 8. Жертвоприношение в кузнице в виде отрубленной лапы волка

расто, долиною в 2 аршина... по подолу и рукавам опушка медная на 3 вершка»¹². Если тела богатырей были защищены кольчугами, то от смертельных ударов по голове предохраняли шлемы-полумаски (рис. 9).

Археологические материалы свидетельствуют о том, что жители городка Эмдер носили не только меховые одежды, без которых на севере Сибири сложно выжить в суровую зиму. Обрывки шерстяных и полушерстяных тканей и большое количество медных луженых пуговиц, найденных на городище и в могильниках, указывают на распространение распашной одежды. Самые уважаемые и знатные люди украшали ее позолоченными или серебряными пуговицами (см. рис. 7, 1; 10, 2). Тканая одежда с пуговицами поступала, очевидно, через территорию государств сибирских татар юга Западной Сибири: Тюменского ханства (XV в.), Тайбугидского бекства (1495–1563) и Сибирского ханства (1563–1585).

К числу экзотических находок относятся и кости животных, которые никогда не водились в сибирской тайге. Для нас было полной неожиданностью обнаружение на городке костей не только лошади, но так-

ределяется достаточно точно. С юга (из Прииртышья) на берега Эмдера мог поступать и мелкий рогатый скот. Иное происхождение имеют кости свиней, поскольку это животное считалось поганым в странах, где исповедовался ислам. Учитывая их стойловое содержание, логично предположить, что, скорее всего, в тайгу попадали не сами животные, а их мясо. Это могли быть окорока, заготовленные предками коми и русскими для дальних сибирских походов – своеобразная средневековая тушенка.

Примечательно отношение обитателей городка к костям такого священного животного, как медведь. В культовой практике сибирских аборигенов – манси и ханты – это один из наиболее почитаемых зверей, выступающий нередко братом человека. По данным этнографии, кости зверя следовало сохранять и ни в коем случае не выбрасывать и не отдавать для растаскивания другим животным. На средневековом городке Эмдер мы видим прямое отклонение от этой традиции, потому что останки медведя просто выброшены вместе с мусором в оборонительные рвы или обожжены в огне. Из этого следует, что языческие воззрения таежной знати отличались от тех, которым следовали рядовые

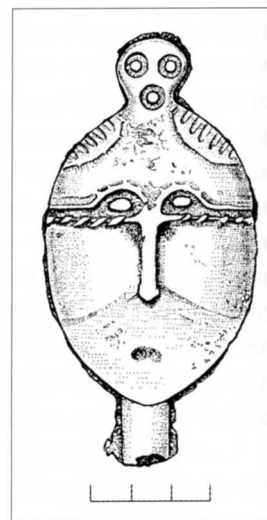

Рис. 9. Бронзовое изображение эмдерского богатыря в шлеме-полумаске

¹² Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 236.

охотники и рыболовы, проживавшие за пределами крепости.

При исследовании городка и могильников нас всегда удивляло отсутствие кладов и дорогих вещей. Оставалось гадать: либо они спрятаны за пределами этих археологических памятников, либо мы имеем дело с разграбленными объектами. Однозначный ответ на этот вопрос удалось получить летом 2012 г., когда сотрудник Угорского научно-исследовательского центра УрФУ Е. А. Жирных изучал могильник Ендырский I. Он зафиксировал, что два из четырех погребений XV–XVI вв. несомненно были разграблены еще в Средние века, на что указывали явный перекоп культурного слоя, разрубленные деревянные конструкции и выброшенные из погребений человеческие кости и серебряные изделия. Это височная однобусинная подвеска, украшенная шариками зерни и скаными поясками, которая была изготовлена ювелирами Волжской Булгарии (рис. 10, 1). Из разрушенного слоя другого археологического объекта происходит еще один серебряный предмет болгарского или золотоордынского производства, сохранившийся, правда, фрагментарно. Это часть массивной серебряной подвески, украшенной пирамидками зерни и скаными поясками, лицевая сторона которой покрыта слоем позолоты (рис. 10, 3). Завершенный вид изделию придает вставка из полудрагоценного камня, забранного в оправу из серебряного листа. Примечательно, что аналогии данному предмету на территории Западной Сибири пока не известны.

За прошедшие двадцать лет на Эмдере и вокруг него произошли серьезные изменения. С одной стороны, он стал своеобразной визитной карточкой региона. В городе Нягань, например, существует жилой микрорайон, носящий название «Эмдер». Само городище посещают учащиеся школ, местное население и многие приезжие, хотя в первые годы после его открытия здесь водились исключительно дикие звери: лоси, медведи и

олени. Доступ посетителей на Эмдер никак не регулируется, и среди них есть откровенно корыстные люди. Прячась от посторонних глаз, они используют металлоискатели и активно разрушают культурный слой. К счастью, они ходят иногда по кругу, перелопачивая отвалы наших

старых раскопов в надежде найти хоть какие-то сокровища и обогатиться.

Давление человека на природу Севера с каждым годом только усиливается: прорубаются просеки, прокладываются новые нефтепроводы, газопроводы, дороги и ЛЭП, а людская беспечность оборачивается лесными пожарами, после которых тайга восстанавливается многие десятилетия. Не исключаем, что однажды, приехав на место легендарного городка, мы его просто не найдем. Нельзя допустить, чтобы память о сибирской Трое – городке Эмдер – осталась только в остяцком эпосе, находках, собранных в музейных фондах, и в публикациях археологов.

Отрадной новостью стало сообщение, что информация, полученная при археологических раскопках Эмдера, оказалась востребованной при воссоздании одного из исследованных объектов. По инициативе национальной интеллигенции на территории музея «Торум маа» в Ханты-Мансийске в 2011–2012 гг. была построена эмдерская кузница XV–XVI вв., которая, несомненно, привлечет в музей дополнительных посетителей. Сейчас можно лишь надеяться, что интерес к дорусской истории Сибири не будет ослабевать и приведет в будущем к воссозданию всей средневековой крепости.

Рис. 10. Изделия из серебра:

- 1 – однобусинное височное кольцо;
- 2 – пуговица;
- 3 – фрагмент украшения

НАУКА ОБЩЕСТВО ЧЕЛОВЕК

Журнал основан в 2002 г.

Учредители:

Президиум УрО РАН

Институт промышленной экологии УрО РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

академик В. А. Черешнев

Первый зам. главного редактора

директор Института промышленной экологии УрО РАН

М. В. Жуковский

Зам. главного редактора

А. Г. Мосин

академик В. В. Алексеев

чл.-корр. В. Н. Анфилов

академик А. М. Асхабов

академик В. И. Бердышев

академик В. Н. Большаков

академик О. В. Бухарин

академик В. А. Коротеев

академик А. М. Липанов

академик В. П. Матвеев

председатель президиума Архангельского

научного центра УрО РАН В. И. Павленко

главный ученый секретарь

чл.-корр. Е. В. Попов

чл.-корр. В. Н. Руденко

зав. отделом Института истории и археологии

УрО РАН А. В. Сперанский

академик А. И. Татаркин

академик В. Н. Чарушин

академик О. Н. Чупахин

чл.-корр. В. Г. Шпак

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор

А. Г. Мосин

Ответственный секретарь

М. Э. Чупрякова

Л. П. Быков

Ф. И. Вибе

В. П. Лукьянин

А. Ю. Понизовкин

Д. Г. Шеваров

Заведующая редакцией

Е. М. Баглаева

Художественный редактор В. И. Реутов

Компьютерная верстка А. П. Никифоров

Корректор Т. А. Федорова

Компьютерный набор Е. М. Баглаева

На обложке: Заповедник Басеги

Адрес редакции:

620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 20

Телефон 374-37-71

Факс 374-37-71

E-mail: vestnik@ecko.uran.ru

www.iie-uran.ru